

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_50
EDN: UIUVZS

Поэтика интерьера в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка»

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. В статье анализируется описание комнаты главного героя романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка». Убранство комнаты связано с предвосхищением сюжетных поворотов романа, особенностей образов персонажей. Портрет Мао Цзе Дуна связан с политическими пристрастиями главного героя произведения. Его в идеологии Мао Цзэдуна привлекает радикализм в отношении буржуазного общества, стремление практическими действиями менять существующий порядок вещей, прибегая к революционному насилию. Эдичка посещает собрания левой Рабочей партии, но там ему скучно, поскольку он более радикален в своих взглядах, чем все остальные. Один из самых известных тезисов Мао Цзэдуна – винтовка рождает власть. Увлеченность оружием, вера в его силу характерна для героя романа Э. Лимонова. Упомянув портрет Патриции Херст, Э. Лимонов вновь указывает на пристальное сочувственное внимание героя к движениям, предпочитающим насильственные образы преобразования окружающей действительности. Как и Патриция Херст, Эдичка по воле автора будет пребывать в перманентном состоянии кризиса идентичности, поиска самоопределения. Следующей оказывается фотография самого Лимонова. Таким «проникновением» реальности в повествование обозначается прежде всего автобиографичность «Это я – Эдички». Наличие собственной фотографии на стене можно связать с самолюбованием, с нарциссическим комплексом. Эдичка хранит портрет А. Бретона. Для героя в сюрреализме больше всего важна политизированность искусства. Прямым указанием на то, что ожидает читателя в романе, является размещенный на стене квартиры Эдички «призыв защищать гражданские права педерастов». Картины художника Хачатуряна также выступают элементом рассматриваемого интерьера. За фигурой этого художника угадывается В. Бахчян. Игра с читателем делает похожим «Это я – Эдичку» на так называемый «роман с ключом». С другой стороны, проводится граница между условным романским миром и реальностью, предупреждающая желание читателя совместить образ реального автора романа и его героя.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; интерьер; деталь; литература третьей волны эмиграции; русское зарубежье

Для цитирования: Егоров М. Ю. Поэтика интерьера в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 50–58.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_50. <https://elibrary.ru/UIUVZS>

Original article

Poetics of the interior in E. Limonov's novel «It's me, Eddie»

Mikhail Yu. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article analyzes the description of the protagonist's room in E. Limonov's novel «It's Me, Eddie». The room's decorations are connected with the anticipation of the novel's plot twists and peculiarities of the characters' images. The portrait of Mao Zedong is related to the political preferences of the protagonist. What attracts him to Mao Zedong's ideology is his radicalism toward bourgeois society, his desire to change the existing order of things, resorting to revolutionary violence. Eddie (Edichka) attends meetings of the leftist Workers' Party, but he is bored there because his views are more radical than everyone else's. One of Mao Zedong's most famous theses is that the rifle gives birth to power. His passion for weapon and belief in its power is characteristic of E. Limonov's hero in the novel. Mentioning

the portrait of Patricia Hearst, E. Limonov points to the protagonist's sympathetic attention to the movements favoring violent images of transforming the surrounding reality. The writer's intent is that Eddie, like Patricia Hearst, should be in a permanent state of identity crisis and in search for self-identification. Next comes a photo of Limonov himself. This «penetration» of reality into the narrative indicates primarily autobiographical nature of It's Me, Eddie. The writer's own picture on the wall can be associated with narcissistic complexes. Eddie keeps A. Breton's portrait. What matters most to him in Surrealism is politicized art. A direct indication of what awaits the reader in the novel is the «call to protect pederasts' civil rights» on the wall of Eddie's apartment. Another element of the interior is the artist Khachaturian's paintings. Behind the figure of this artist stands V. Bakhchanyan. Playing with the reader makes It's Me, Eddie look like a so-called «novel with a key». On the other hand, a boundary is drawn between the fiction world of the novel and the reality, preventing the reader's desire to combine the image of the real writer and his hero.

Key words: E. Limonov; «It's Me, Eddie»; interior; detail; literature of the third emigration wave; russians abroad

For citation: Egorov M. Yu. Poetics of the interior in E. Limonov's novel «It's me, Eddie». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):50–58. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_50. <https://elibrary.ru/UIUVZS>

Введение

В романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» описание комнаты, в которой проживает главный герой, даётся на второй странице. Обратим внимание на то, что висит на стенах комнаты: «На стенах, прикрывая пятна, оставшиеся от прежних жильцов, висят: большой портрет Мао Цзэ Дуна – предмет ужаса для всех людей, которые заходят ко мне; портрет Патриции Херст; моя собственная фотография на фоне икон и кирпичной стены, а я с толстым томом – может быть словарь или библия – в руках, и в пиджаке из 114 кусочков, который сшил сам – Лимонов, монстр из прошлого; портрет Андре Бретона, основателя сюрреалистической школы, который я вожу с собой уже много лет, и которого Андре Бретона обычно никто из приходящих ко мне не знает; призыв защищать гражданские права педерастов; еще какие-то призывы, в том числе плакат, призывающий голосовать за Рабочей партии кандидатов; картины моего друга художника Хачатуряна; множество мелких бумажек» [Лимонов, 1992а, с. 15]. Ограничиваясь приведенным описанием, автор романа воздерживается от дальнейшего комментирования специфики интерьера, предметов его составляющих. Описанное убранство комнаты, несомненно, связано с предвосхищением сюжетных поворотов романа, особенностей образов персонажей.

Методы исследования

В своём исследовании мы опирались на ряд работ, в которых анализируется предметная сфера литературного произведения. Для нас представляется важной работа М. О. Гершензона о «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, где раскрывается сюжетобразующая роль картинок на стене в доме Самсона Вырина [Гершензон, 2000 [1919], с. 86–89]. Значимыми для понимания особенностей отображения «вещей» в лите-

ратуре оказались исследования А. П. Чудакова «Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики)» и «Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого» [Чудаков, 1986; Чудаков, 1992]. Отметим также близкое нам понимание интерьера Ю. М. Лотманом в статье «Художественный ансамбль как бытовое пространство»: интерьер отражает «непосредственную связь различных вещей и произведений искусства внутри некоторого культурного пространства» [Лотман, 2002 [1974], с. 380].

Результаты исследования

Портрет Мао Цзе Дуна (или в традиционном современном русском написании Мао Цзэдун), размещенный в квартире Эдички, связан с политическими пристрастиями главного героя произведения, о них подробно рассказывается в главе «Кэрл». Мао Цзэдун был легендарным китайским революционером, основателем Китайской Народной Республики и её первым руководителем. Советский Союз, который Э. Лимонов критикует так же, как и Америку [Ryan-Nayes, 1988], не оправдывал ожидания марксистов по всему миру. Жизнь в СССР демонстрировала отход от марксистской идеологии. Маоизм же, опирающийся на марксизм, стал рассматриваться в 1960–1970-е годы многими интеллектуалами (в частности, французскими) как альтернатива и советской практике, и практике капитализма.

Впрямую в романе и не говорится о том, что же притягивает Эдичку в маоизме. Однако, рассматривая поведение героя, можно сделать вывод, что его в идеологии Мао Цзэдуна прежде всего привлекает радикализм в отношении буржуазного общества, стремление практическими действиями менять существующий порядок вещей, прибегая к революционному насилию. Как сочувственно писал Ж.-П. Сартр, «для маоистов... революционное насилие, порождаемое

массами, всегда глубоко морально. Через него рабочие, являющиеся до некоторого времени объектами капиталистического авторитаризма, становятся субъектами своей собственной истории, пусть даже на мгновенье» [Сартр]. Все это нашло отражение в китайской культурной революции.

К герою романа критическое отношение к капиталистическим порядкам Америки пришло в следствии абсолютно личных причин. «И более всего я ненавижу этот порядок – понял я, когда пытался разобраться в своих чувствах, – порядок, от рождения развращающий людей. ...И я не стеснялся самого себя, оттого что ненависть пришла ко мне через такую, в сущности, понятную и личную причину – через измену жены. Я ненавидел этот мир, который переделывает трогательных русских девочек, пишущих стихи, в ох...ие от пьянки и наркотиков существа, служащие подстилкой для миллионеров...», – заявляет Эдичка [Лимонов, 1992а, с. 56].

Работая басбоем в ресторане, рассказчик находит оправдание измены жены в причинах, связанных с классовой борьбой, и ещё интенсивнее начинает ненавидеть буржуазию: «...я постоянно видел своих врагов, тех, кто увел у меня Елену – наших посетителей, людей, имеющих деньги. Я сознавал, что я несправедлив, но ничего не мог с собой поделать, а разве мир справедлив со мною? Чувство, которое я условно определил для себя как классовую ненависть, все глубже проникало в меня. Я даже не столько ненавидел наших посетителей как личностей, нет, в сущности, я ненавидел весь этот тип джентльменов, седых и ухоженных» [Лимонов, 1992а, с. 55].

Неслучайно в приведенном выше описании комнаты упоминается плакат, призывающий голосовать за кандидатов Рабочей партии. Эдичка посещает собрания этой левой партии, но там ему скучно, поскольку он более радикален в своих взглядах, чем все остальные: «...я всю свою жизнь связываю с революцией. ...Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной трагедии» [Лимонов, 1992а, с. 114, 118]. Более того, именно в вооруженном разрешении классовых противоречий заинтересован герой: «Опасный митинг только и нужен был мне в этом мире. Если б она [Кэрол, активистка Рабочей партии] сказала, приходи завтра в такое-то место – получишь автомат и патроны, будешь участвовать в акции,

например, в захвате самолета, я был бы, конечно, куда больше рад, но и митинг – это было неплохо. Я не кривлю душой, меня полностью устроила бы только революция, но можно было начать и с митинга» [Лимонов, 1992а, с. 115].

Один из самых известных тезисов Мао Цзэдуна – винтовка рождает власть (см. например [Панцов, 2012, с. 265]). Увлеченность оружием, вера в его силу характерна для героя романа Э. Лимонова: «Любовь к оружию у меня в крови, и сколько себя помню еще мальчишкой, я обмирал от одного вида отцовского пистолета. В темном металле мне виделось нечто священное. Да я и сейчас считаю оружие священным и таинственным символом, да и не может предмет, употребляемый для лишения человека жизни, не быть священным и таинственным. В самом очертании всех деталей револьвера есть какой-то вагнеровский ужас» [Лимонов, 1992а, с. 93]. Характер отношений с оружием, возведенный в культ, иллюстрирует эпизод, в котором пьяный Эдичка приходит в храм и играет с ножом: ««Я никого не собираюсь резать, господа евреи, или католики, или протестанты, я просто люблю оружие без памяти и у меня нет своего храма, где бы я мог молиться Великому Ножу или Великому Револьверу. Нет, поэтому я молюсь ему здесь», – так я подумал. Далее я включился в какой-то бред, несколько раз выдираю нож из доски и целовал его, опять втыкал его в подножье. Один раз я уронил Его Величество нож...» [Лимонов, 1992а, с. 95].

Следом за Мао Цзэдуном на стене жилища героя расположен портрет Патриции Херст. Это внучка американского миллиардера и газетного магната Уильяма Херста. В 1974 году в возрасте 19 лет Патриция была захвачена леворадикальной террористической группировкой Симбионистская армия освобождения. В качестве выкупа террористы потребовали выдать каждому неимущему жителю Калифорнии продовольственный пакет в размере 70 долларов и напечатать массовым тиражом пропагандистскую литературу. Патриция Херст отказалась возвращаться в семью и перешла на сторону Симбионистской армии освобождения. В составе Армии она участвовала в ограблении банка, угонах автомобилей и т. д. [Hearst, 1982]. Американская пресса превратила Херст в романтический образ революционерки, олицетворяющей леворадикальное движение 1970-х годов.

Действие «Это я – Эдички» происходит в 1976 году, в этом же году Патриция Херст была

приговорена к семилетнему тюремному заключению. Упоминанием этой женщины Э. Лимонов вновь указывает на политические пристрастия героя, на его пристальное сочувственное внимание к движениям, предпочитающим насильственные образы преобразования окружающей действительности.

Важен и ещё один намёк. Как и Патриция Херст, Эдичка по воле автора будет пребывать в перманентном состоянии кризиса идентичности, поиска самоопределения. «Чего ищущий? То ли братства суровых мужчин-революционеров и террористов [sic!], на любви и преданности к которым, наконец, смогла бы отдохнуть моя душа, то ли я ищущий религиозную секту, проповедующую любовь, любовь людей друг к другу, во что бы то ни стало – любовь», – размышляет герой [Лимонов, 1992а, с. 268]. Эдичка будет совершать весьма экстравагантные поступки, напоминающие в том числе поступки Патриции. В главе «Лус, Алёшка, Джонни и другие» героя ведёт за собой бродяга Джонни, который очень нравится Эдичке. Он думает, что Джонни планирует совершить грабёж, в чём герою видится выражение социального протеста. Эдичка, не устающий в романе называть себя поэтом, полон решимости поддержать друга: «„Если он ведёт меня кого-то ограбить, это мне как нельзя кстати”, – подумал я хладнокровно» [Лимонов, 1992а, с. 199]. К сожалению, у Джонни другие планы: «Я был раздражен. Я уже построил планы, а он... „Любовь потом, – сказал я ему. – Я хочу делать робберии – грабеж в апартаментах, я думал, мы идем сюда грабить апартаменты. Зачем ты обманул меня?” – сказал я» [Лимонов, 1992а, с. 199]. Симптоматично, что грабёж оказывается замещен гомосексуальным актом, столь же «беззаконным», происходящим прямо на лестничной клетке. Любопытно в приведенной прямой речи внедрение иноязычных слов в калькированном виде (робберии, апартаменты), указывающее на сей раз на проблематичность языкового самоопределения [Dreizin, 1988; Shukman, 1983].

Рядом с портретами Мао Цзэдуна, Патриции Херст оказывается фотография самого Лимонова в собственноручно сшитом из 114 кусочков пиджаке. В роман помещено описание существующей в действительности фотографии, изображающей автора в экстравагантном пиджаке. Таким «проникновением» реальности в повествование обозначается прежде всего автобиографичность «Это я – Эдички» (см. содержательную статью [Ryan-Hayes, 1993]). На автобиографичность

произведения Э. Лимонов всячески намекает в своеобразном послесловии к роману «The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения „Это я – Эдички”» [Лимонов, 1992б, с. 323–332]. Кроме своего имени автор делится с героем подробностями биографии. Например, несколько эпизодов связано с откровенными и провокативными воспоминаниями о тяжелом периоде взросления в Харькове, о богемной жизни в Москве и т. д.

На протяжении романа Эдичка несколько раз возвращается к теме шитья. В СССР это был один из основных его заработков: «Еще я умел шить и шил по заказу брюки. Брал я за одну пару 20 рублей, шил я и сумочки, и моя предыдущая жена Анна, помню, ходила продавать их в ГУМ – главный универсальный магазин на Красной площади по 3 рубля штука» [Лимонов, 1992а, с. 78]. Один из важных эпизодов – затея с пошивом платья для Елены. Эпизод характеризует отношения героев, психологию героини, специфику мировосприятия в пресловутом буржуазном мире: «...она [Елена] объясняла мне свою достаточно безумную идею о каких-то рулонах ткани, в которые она хочет заворачиваться, чтобы таким образом сделать платье, и еще какие-то прожекторы из этой же ткани – шить должен был я. Я, пусть и сам не ахти какой нормальный парень, но понимал, что это тоже форма ох...ия от западной жизни – желание Елены перескочить через деньги – легко и просто иметь таким образом платья, да еще и в дизайнеры поиграть. Я понимал, что эта детская затея безумна и ни х... из этого не выйдет, но я соглашался, я боялся ее обидеть, или вызвать ее гнев» [Лимонов, 1992а, с. 306–307].

Эдичке свойственно повышенное внимание к одежде. Он несколько раз описывает собственные экстравагантные наряды: «У меня слабость к эксцентричной цирковой одежде, и хотя я по причине своей крайней бедности ничего особенного себе позволить не могу, все-таки рубашки у меня все кружевные, один пиджак у меня из лилового бархата, белый костюм – моя гордость – прекрасен, туфли мои всегда на высоченном каблучке, есть и розовые...» [Лимонов, 1992а, с. 93], «...оделся очень странно, в рваные синие французские джинсы, и прекрасный новый итальянский джинсовый пиджак, одел желтую итальянскую рубашку, жилет, разноцветные итальянские сапоги, шею обмотал черным платком» [Лимонов, 1992а, с. 67], «На мне была узенькая джинсовая курточка, такие же джинсовые брюки,

вправленные, нет, закатанные очень высоко, обнажая мои красивейшие сапоги на высоком каблуке, сапоги из трех цветов кожи» [Лимонов, 1992а, с. 92], «...я глупо слонялся в своей кружевной рубашке, белых брюках, бархатном лиловом пиджаке и белом великолепном жилете...» [Лимонов, 1992а, с. 129] и т. п.

Наличие собственной фотографии на стене можно связать с самолюбованием, с нарциссическим комплексом. Неслучайно И. П. Смирнов отмечает: «В творчестве Лимонова нарциссизм становится свойством повествователя, который к тому же конституирован так, чтобы читатель идентифицировал его с реальным автором текста» [Смирнов, 1994, с. 338] (см. также [Жолковский, 1994]). Ученый пишет об автоэротизме, который хорошо характеризует Эдичку: «роман изобилует сценами, в которых герой занят самоанализом, самонаблюдением, воспоминаниями, мастурбацией, разглядыванием своих половых органов и т. п.» [Лимонов, 1992а, с. 339]. Эдичка предпочитает автономное существование: он сам готовит себе пищу и шьет одежду. Метафорически герой становится автодидактом, отказываясь от подсобных предметов и орудий, – он передвигается по Нью-Йорку только пешком, самостоятельно попадая в любую точку города [Лимонов, 1992а, с. 339]. Нарциссизм Эдички – «это настоящая любовь, красивая, с муками, переживательная, с изменами, разрывами, примирениями, слезами и пр.» [Донде, 1993, с. 290].

Интересен ввод собственной фамилии (первое упоминание в тексте): «...в пиджаке из 114 кусочков, который сшил сам – Лимонов». Повествующий субъект словно бы разделяется на две части: повествующую от первого лица и отторгаемую, наблюдаемую со стороны. Как пишет О. Матич о прозе Э. Лимонова: «...персонажи его прозы видят себя не только изнутри, но и извне» [Матич]. В подобный парадокс попадает нарциссический субъект, выделяющий из себя вторую составляющую в качестве объекта для любви. Взгляд на себя извне – часто используемый приём в «Это я – Эдичке». Самый показательный пример в эпизоде, в котором Эдичка неудачно пытается привести наручники в нужный ему вид, заканчивается фразой: «Делая это, я видел себя со стороны, и как писатель решил, что эта жуткая сцена годится для Голливуда: Лимонов, плачущий от горя...» [Лимонов, 1992а, с. 47].

Увлеченность швейной темой подталкивает к знаменитому литературному высказыванию.

Сюрреалисты высоко ценили прославленный образ Графа де Лотреамона – встреча на анатомическом столе швейной машины с зонтиком («Песни Мальдорора». Песнь VI, эпизод 3) [Лотреамон, 1998, с. 292]. Портрет основателя сюрреализма Андре Бретона хранит у себя Эдичка. Сопоставление прозы Э. Лимонова и А. Бретона (например, его повесть «Надя») требует отдельного тщательного исследования. Здесь же остановимся на нескольких наблюдениях.

Предположим, что в сюрреализме вообще и очень большой степени в творчестве А. Бретона Эдичку больше всего привлекала политизированность искусства. Например, можно упомянуть, что в 1924–1929 году издавался журнал «Сюрреалистическая революция», а с 1931 года – «Сюрреализм на службе революции». Сам А. Бретон был членом коммунистической партии. Вместе с Л. Д. Троцкий в 1938 году он создал манифест «За независимое революционное искусство», декларирующий объединение политики и искусства. Сюрреалисты были «бунтарями от искусства», они отождествляли революцию с пересмотром границ реальности [Андреев, 2007, с. 311]. А. Бретон и его соратники призывали к политической революции, разрушению вызывающей отвращение западной цивилизации (см. например [Ванейгем, 2014, с. 41–57, 101–109]).

В романе Э. Лимонова действительно много размышлений не только о несправедливости мира, но и о революции. Эдичка ненавидит праздность богачей, отсутствие равных прав у всех слоев населения, говорит о личностном характере отношений с революцией, необходимости силовыми методами менять миропорядок: «...я не люблю богатых. ...в этом мире все бедные – революционеры и преступники, только не всякий находит путь, не всякий решается. Законы-то придумали богатые. Но, как гласит один из самых гордых лозунгов нашей неудачной русской революции, «Право на жизнь выше права частной собственности!» Я уже говорил, что я ненавидел не конкретных носителей зла – богачей, я даже допускал, что среди них могут быть жертвы мироустройства, но ненавидел порядок, при котором один ох...вает от скуки и безделья, или от ежедневного производства новых сотен тысяч, а другой тяжелым трудом едва зарабатывает на хлеб. Я хотел быть равным среди равных» [Лимонов, 1992а, с. 56–57], «Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной трагедии – трагедии,

в которой были замешаны обе страны – и СССР и Америка, в которой виновата была цивилизация. Меня не признала эта цивилизация, она игнорировала мой труд, она отказала мне в законно принадлежащем мне месте под солнцем, она разрушила мою любовь, она убила бы и меня, но я почему-то выстоял. И, качаясь и рискуя, я живу. Моя тяга к революции, построенная на личном, куда сильнее и натуральнее, чем все искусственные „революционные” причины» [Лимонов, 1992а, с. 118] и т. п. Складывается ощущение, что литература соцреализма с её героями-резонёрами, пропагандирующими в подходящие и неподходящие моменты сюжета линию партии, оказала влияние на Э. Лимонова.

А. Бретон во «Втором манифесте сюрреализма» уверял отсутствие страха в провозглашении абсолютного восстания как догмы [Андреев, 2007, с. 409]. Именно в этом тексте прозвучит скандально известное определение сюрреализма: «Самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы, взяв в руки револьвер, выйти на улицу и наудачу, насколько это возможно, стрелять по толпе» [Лимонов, 1992а, с. 409]. В «Это я – Эдичка»: „Как ты думаешь, Кэрол, при нашей жизни в Америке будет революция?» «Обязательно будет, – сказала, не задумываясь, Кэрол, – иначе зачем бы я работала в партии?» «Пострелять мне хочется, Кэрол», – сказал я ей тогда. И я не кривил душой. «Постреляешь, Эдвард», – сказала она, усмехнувшись». И чуть далее, о соседстве темы творчества, необходимости социальной справедливости с оправданием акта насилия: «Почему человек, продающий водку, имеющий магазин „Ликер», получает признание общества, да еще какое, а человек, пишущий стихи, обойдя земной шар кругом, так ничего и не получает, ничего не находит» [Лимонов, 1992а, с. 124]. Эдичка при этом, повторимся, регулярно напоминает читателю, что перед ним поэт.

Ещё один красноречивый пример: «Я не был официант, я не плевал им [посетителям] в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом, я бы взорвал их на х..., но мелких гадостей я не мог им делать, не был способен. «Я разнесу ваш мир!» – думал я... Я разнесу ваш мир вместе с этими ребятами – младшими мира сего!» [Лимонов, 1992а, с. 42]. Получается, что как поэт Эдичка не способен на мелкие гадости, а вот на масштабные акты насилия (как поэт) способен.

Французским издателем «Это я – Эдички» стал Жан-Жак Повэр, который среди прочего издавал и А. Бретона [Лимонов, 1992б, с. 325].

Прямым указанием на то, что ожидает читателя в романе, является размещенный на стене квартиры Эдички «призыв защищать гражданские права педерастов». Гомосексуальная тема – одна из ключевых в романе. Она знаменует поиски героя собственного понимания жизни. Измена и уход жены заставляют его разочароваться в женщинах, усугубляют недовольство социальной системой. О. Матич сопоставляет первый гомосексуальный опыт героя «Это я – Эдички» с дионисийским мифом смерти и воскресения. «Эдичка с его предпочтением гетеросексуальной любви умирает, чтобы возродиться свободным человеком» [Matich, 1986, p. 532]. Подробные описания секса с мужчинами отвернули от романа многих представителей эмиграции и метрополии. «Роман Э. Лимонова „Это я – Эдичка” стал объектом массовой критики, в первую очередь общественной, а не литературной», – писали в 1982 году П. Вайль и А. Генис [Вайль, Генис, 1982, с. 132]. Знаменательно название статьи Л. Геллера «Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э. Лимонова „Это я – Эдичка”» [Геллер, 1980].

В «Это я – Эдичка» много упоминаний реально существовавших лиц. Например, на страницах романа появляются поэты И. Холин, Г. Сапфир, Л. Губанов. Однако есть упоминания с явным искажением имен, за которыми стоят реальные прототипы. Так, упомянут скульптор Эраст Провозвестный, за которым угадывается Эрнст Неизвестный, за фотографом Александром Жигулиным – Александр Бородулин и т. д.

Картины художника Хачатуряна выступают следующим элементом рассматриваемого интервью. Такую характеристику Хачатуряну даёт Эдичка: «...художника и писателя-модерниста, человека с формальным умом, изобретателя ходов и техник, сейчас закопавшегося в неудержимые формальные поиски под покровительством и водительством злой мудрой маленькой жены, блестяще говорящей по-английски и работающей в фирме по изготовлению шарфиков. Мы прошли вместе длинный путь – они и я, они знали мою предыдущую жену, до Елены – Анну, даже их первая брачная ночь прошла на полу в нашей с Анной квартире. Мы часто ругаемся, они все больше не понимают меня, но это не мешает нам сохранять подобие дружбы. Мы друзья» [Лимо-

нов, 1992а, с. 133]. Скорее всего под личиной Хачатуряна скрывается художник и писатель Вагрич Бахчанян. Именно он придумал псевдоним Лимонов, об этом подробно рассказывается в романе «Молодой негодяй» [Лимонов, 1986, с. 10].

Такая игра с читателем делает похожим «Это я – Эдичку» на так называемый «роман с ключом». С другой стороны, проводится граница между условным романским миром и реальностью, предупреждающая желание читателя совместить образ реального автора романа и его героя, пускай и носящего имя, идентичное авторскому.

Пожалуй, на стене квартиры Эдички не хватает только предметов, которые были бы связаны с постоянно появляющейся на страницах романа бывшей женой Еленой. «Яркий роман Лимонова о жизни среди обездоленных русской эмиграции – классическая история преданной любви» [Carden, 1984, p. 221]. Тоска по ушедшей жене – лейтмотив всего повествования, без него не обходится ни одна глава произведения. Отсутствие связанных с Еленой предметов указывает на попытки героя избавиться от мыслей о жене, забыть о ней. Компенсацией такому отсутствию выступает устроенная Эдичкой целая персональная выставка вещей Елены под названием «Мемориал Святой Елены», описанная в главе второй «Я – басбой». «...увидел опять свою жуткую выставку вещей Елены, развешанных по стенам, с этикетками под каждой такого содержания: «Чулочек Елены – белый / Где второй неизвестно / Она купила белые чулочки уже когда была / знакома с любовником, и тогда же купила / два тонких пояска – в них она с любовником / и еб...сь – Лимонову Эдичке грустно и / страстотерпно». Или: «Тампакс / Елены Сергеевны / неиспользованный, / девочка моя могла вложить его в пипку – у нее / смешно тогда торчала, висела / из пипки нитка». Предметы висели на гвоздях и плечиках, были прикреплены к стенам клейкой лентой. Веселенькая выставка была, да?» [Лимонов, 1992а, с. 60]. В отличие от длительно сохраняемого на стенах анализируемого набора изображений, эта выставка была Эдичкой уничтожена. Уничтожение героем выставки знаменовало, по его словам, начало нового этапа жизни.

Заключение

Набор предметов, размещенных Эдичкой на стене квартиры, создает своеобразный портрет

романа, его аннотацию в содержательном и формальном смысле. Суммируем те мотивы, темы романа, которые, на наш взгляд, приоткрывает описание интерьера: множество размышлений о неизбежности революции, политизированность литературы в целом и собственно «Это я – Эдички», предпочтение героем радикализм в действиях, поступках, революционного преобразования действительности, увлеченность Эдички оружием, гомосексуальная тематика, кризис идентичности, поиски самоопределения, самолюбование героя, нарциссизм, взгляд героя-рассказчика на себя извне, автобиографичность текста и её разрушение.

Не забудем, что анализируемое описание заканчивается фразой: «множество мелких бумажек» [Лимонов, 1992а, с. 15], – намекающей на использование в романе множества (кроме приведенных) разнообразных тем, образов, историй, создающих многомерный мир «Это я – Эдички».

Библиографический список

1. Андреев Л. Марксизм // Энциклопедический словарь сюрреализма. Москва : ИМЛИ РАН, 2007. С. 311–312.
2. Андреев Л. Революция // Энциклопедический словарь сюрреализма. Москва : ИМЛИ РАН, 2007. С. 409–410.
3. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
4. Ванейгем Р. Бесцеремонная история сюрреализма. Москва : Гилея, 2014. 187 с.
5. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. № 5. С. 84–88.
6. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина // Гершензон М. О. Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. Москва – Иерусалим : Университетская книга, Geshtarim, 2000. С. 9–115.
7. Донде А. Эдуард, Эдик, Эдичка... // Лимонов Э. Палач. Москва : Журн. «Глагол», 1993. С. 289–305.
8. Жолковский А. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе // Жолковский А. Блуждающие сны и другие работ. Москва : Наука, 1994. С. 225–244.
9. Лимонов Э. Молодой негодяй. Париж : Синтаксис, 1986. 270 с.
10. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992а. 335 с.
11. Лимонов Э. The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения «Это я – Эдички» // Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992б. С. 323–330.
12. Лотман Ю. М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. С. 376–387.

13. Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона. Москва : Ad Marginem, 1998. 672 с.
14. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html> (дата обращения: 23.04.2023)
15. Панцов А. В. Мао Цзэдун. Москва : Молодая гвардия, 2012. 867 с.
16. Сартр Ж.-П. Предисловие к «Мао во Франции»: Маоисты во Франции // Маоизм.Ру. URL: <http://maoism.ru/6542> (дата обращения: 23.04.2023)
17. Смирнов И. П. Психодиахронология: Психология русской литературы от романтизма до наших дней. Москва : Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.
18. Чудаков А. П. Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва, 1986. С. 251–291.
19. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. Москва : Современный писатель, 1992. 317 с.
20. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor : Ardis, 1984. P. 221–232.
21. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55–67.
22. Hearst P. C., Moscow A. Every Secret Thing. New York : Doubleday & Co., 1982. 499 p.
23. Matich Olga. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdichka» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. P. 526–540.
24. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, № 4. P. 438–459.
25. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. № 1003. P. 1–37.
26. Shukman A. Taboos, Splits, and Signifiers: Limonov's «Eto ya – Edichka» // Essays in Poetics. 1983. Vol. 8. P. 1–18.
5. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je. Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preliminary notes on the theory of scandals, the avant-garde, and eroticism in literature on E. Limonov's novel It's Me, Eddie // Kovcheg. 1980. № 5. S. 84–88.
6. Gershenzon M. O. Mudrost' Pushkina = Pushkin's wisdom // Gershenzon M. O. Izbrannoe. Tom 1. Mudrost' Pushkina. Moskva – Ierusalim : Universitetskaja kniga, Gesharim, 2000. S. 9–115.
7. Donde A. Jeduard, Jedik, Jedichka... = Edward, Edik, Edichka... // Limonov Je. Palach. Moskva : Zhurn. «Glagol», 1993. S. 289–305.
8. Zholkovskij A. Vljublennno-blednye narcissy o vremeni i o sebe = Loving pale daffodils on time and ourselves // Zholkovskij A. Bluzhdajushhie sny i drugie rabot. Moskva : Nauka, 1994. S. 225–244.
9. Limonov Je. Molodoj negodjaj = The young villain. Parizh : Sintaksis, 1986. 270 s.
10. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka.= It's Me, Eddie. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992a. 335 s.
11. Limonov Je. The Absolute Beginner, ili Pravdivaja istorija sochinenija «Jeto ja – Jedichka» = The Absolute Beginner, or the True story of the writing It's Me, Eddie // Limonov Je. Jeto ja, Jedichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992b. S. 323–330.
12. Lotman Ju. M. Hudozhestvennyj ansambl' kak bytovoe prostranstvo = Artistic ensemble as a household space // Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. S. 376–387.
13. Lotreamon. Pesni Mal'dorora. Stihotvorenija. Lotreamon posle Lotreamona = The Songs of Maldoror. Poems. Lautréamont after Lautréamont. Moskva : Ad Marginem, 1998. 672 s.
14. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Zhurnal'nyj zal. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html> (data obrashhenija: 23.04.2023)
15. Pancov A. V. Mao Czjedun = Mao Zedong. Moskva : Molodaja gvardija, 2012. 867 s.
16. Sartr Zh.-P. Predislovie k «Maо vo Francii»: Maoisty vo Francii = Foreword to Mao in France: Maoists in France // Maoizm.Ru. URL: <http://maoism.ru/6542> (data obrashhenija: 23.04.2023)
17. Smirnov I. P. Psihodiahronologika: Psihoistorija russkoj literatury ot romantizma do nashih dnej = Psychodiachronologic: Psychohistory of Russian literature from Romanticism to the present day. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 352 s.
18. Chudakov A. P. Predmetnyj mir literatury (K problemam kategorij istoricheskoi pojetiki) = Material world of literature (On issues of historical poetics categories) // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izucheniija. Moskva, 1986. S. 251–291.

Reference list

1. Andreev L. Marksizm = Marxism // Jenciklopedicheskij slovar' sjurrealizma. Moskva : IMLI RAN, 2007. S. 311–312.
2. Andreev L. Revoljucija = Revolution // Jenciklopedicheskij slovar' sjurrealizma. Moskva : IMLI RAN, 2007. S. 409–410.
3. Vajl' P., Genis A. Sovremennaja russkaja proza = Modern Russian prose. Ann Arbor : Jermitazh, 1982. 192 s.
4. Vanejgem R. Besceremonnaja istorija sjurrealizma = An offhand history of surrealism. Moskva : Gileja, 2014. 187 s.

19. Chudakov A. P. Slovo – veshh' – mir. Ot Pushkina do Tolstogo = Word – thing – world. From Pushkin to Tolstoy. Moskva : Sovremennyj pisatel', 1992. 317 s.

20. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor : Ardis, 1984. P. 221–232.

21. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55–67.

22. Hearst P. C., Moscow A. Every Secret Thing. New York : Doubleday & Co., 1982. 499 p.

23. Matich Olga. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdička» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. P. 526–540.

24. Ryan-Hayes K. Limonov's «Èto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, № 4. P. 438–459.

25. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Vesk Papers in Russian and East European Studies. 1993. № 1003. P. 1–37.

26. Shukman A. Taboos, Splits, and Signifiers: Limonov's «Èto ya – Edichka» // Essays in Poetics. 1983. Vol. 8. P. 1–18.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.